

законах его развития складывается в плане изучения двух сторон этого явления — личности и общества. Отмечая зависимость характера этих отношений от самого человека, марксистско-ленинская концепция поведения трактует эти отношения как изменяющиеся, развивающиеся, революционизирующиеся в противовес концепции неподвижно-стереотипного характера человеческого поведения в современной буржуазной социологии.

Поэтому именно она в состоянии действительно научно решить вопрос о субъективных и объективных аспектах человеческого поведения, о соотношении общего и частного в типах человеческого поведения, о детерминантах поведения в различных социальных средах и о зависимости человеческого поведения от характера общественных отношений в целом, одновременно сочетая широкую глобальность социального обзора с глубоким интересом к индивидуальному и единичному на всех социальных уровнях.

Необходимо также отметить, что теория поведения есть лишь часть общей марксистско-ленинской теории деятельности, причем задача дальнейшего развития этой теории может быть решена лишь совместными коллективными усилиями представителей социологии, психологии, лингвистики, логики, кибернетики и других пограничных наук.

Лингвистика текста формируется сейчас как дисциплина, которая, с одной стороны, примыкает к теории коммуникативной деятельности, а с другой — к теории языковой системы (собственно лингвистика). Вместе с теорией коммуникативных актов она вторгается в область, которая, по Ф. де Соссюру, должна принадлежать лингвистике речи (*la linguistique de la parole*).

Обе эти дисциплины знаменуют ломку старых ограниченных представлений о предмете языкознания, возвращение к широкому пониманию языка как единства коммуникативной деятельности, корпуса текстов и языковой системы (см. Щерба, 1975). Появление новых дисциплин стимулировалось, в частности, обращением языковедов — после долгого застоя формального подхода — к изучению семантического (денотативно-референтного) и особенно прагматического (коммуникативного, интенционального) параметров функционирования языковых единиц (*resp.* средств).

Ясно, что в этой обстановке оказалось вполне правомерным пересмотреть статус грамматики. Особая необходимость возникает в новой интерпретации значения.

Специфический характер языковых средств является причиной скептического отношения языковедов к логическому, психологическому, социологическому и коммуникативно-теоретическому анализу значения. Крайнее проявление подобных тенденций наблюдается, например, у представителей американского структурализма 40—50-х годов, которые вообще исключают лингвистический и логический анализ значения. Куайн, однако, полагает, что «если бы были даны условия истинности всех предложений, то все значения были бы налицо» (Куайн, 1969, 333).

Генеративная грамматика Хомского, вообще говоря, тоже работает с проблемой значения (Хомский, 1957, 92), однако в рамках этой теории проблема семантической интерпретации остается открытой, причем, по мнению многих языковедов, Хомский ограничивает разработку семантических вопросов рамками логики (Хомский, 1957, 103; Хомский, 1965, 117, 221, 136, 224; Катц, 1966, 154, 160). Ограниченность интерпретации семантики у Хомского отмечена рядом языковедов (Косериу, 1970, 56; Серия литературы и языка, 1979, №№ 3—4).

Европейские структуралисты указывают, что в данном случае налицо ложное представление языкового знака и языкового выражения и что следует, по В. Гумбольдту, предполагать взаимопроникновение формы и содержания в языке на разных лингвистических уровнях или предполагать, по Ф. де Соссюру, единство «обозначающего» и «обозначаемого» в рамках языкового знака, или, согласно Ельмслеву, признать единство